

3. Румянцева О.С. Стекольная мастерская в Комарове: характер и особенности производственного комплекса // ОІУМ-IV. Черняхівська культура: пам'яті В.П. Петрова / Отв. ред. Пеграускас О.В., Горбаненко С.А. Київ: ІА НАН України, Ін-т історичної освіти НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2014. С. 184-196.

А.П. Воробьев

Самарский национальный исследовательский университет

ИДЕОЛОГИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ОТРАЖЕНИЕ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ИСТОРИОПИСАНИИ

В нашем докладе, применяя метод компаративного анализа, мы рассматриваем отражение некоторых аспектов представлений о христианской государственности в русской и франкской средневековой исторической мысли, а именно: концепцию союза светской и духовной власти, а также образ мудрого правителя.

Историография представлена работами исследователей эпохи Каролингов: М.Л. Гаспарова [1], А.И. Сидорова [6] и О.В. Титовой [8]. Проблемы русской исторической мысли рассматриваются в работе Р.Г. Скрынникова [7] и А.В. Черняева [9]. Отдельные аспекты русского и европейского историописания затрагиваются в комментариях к опубликованным источникам [5][2]. Источниковая база представлена двумя группами памятников исторической мысли: каролингской и русской. Первую группу представляет поэма «Карл Великий и папа Лев» – источник, отражающий события мятежа против папы Льва III в 799 г. [2]. Ко второй относятся источники более широких хронологических рамок: ПВЛ [4] и Лицевой летописный свод (далее – ЛС) [3]. Это будет справедливо, учитывая сравнительную скудость русской средневековой культуры.

Говоря об идеологии в средневековом историописании, в первую очередь стоит отметить одну из ее функций – конституирование отдельных социальных групп [6, с. 41]. Историческая память может способствовать консолидации определенной микрогруппы, выработке у ее представителей особого самосознания (например, у ближнего круга короля) [6, с. 175-176]. Русское историописание встречает примеры ориентации на воспитательные нужды царских наследников, примером чего служит богато иллюстрированный ЛС [3].

К XVI веку русское историописание начинает служить целому ряду идеологических функций, как-то: выгодной репрезентации генеалогии правящей династии, обоснованию которой служит обширный цикл сочинений [5, с. 174]; обоснованию в дипломатических и внутривластных спорах [7]. В этот же ряд вписывается аргументация в дискуссии о политическом устройстве и принципах государственного строительства, которая переплетает-

ется с вопросами богословия [9]. В это время Русские земли приближаются к финальной стадии централизации. Набиравшее силу государство вступает в конфликт с имущественными интересами церкви, разрешению которого способствует обращение к византийской модели государства — т.н. «симфонии властей». Эту концепцию ярко выражает описанное в ЛС венчание на царство Ивана IV. Это видно по роли, отводимой митрополиту Макарию в церемонии. Так, если вручение царских инсигний митрополитом [3, с. 303] еще можно оценить, как символический церемониальный акт, то его посажение рядом с великим князем нельзя рассматривать в подобном ключе. Оно наглядно демонстрирует идеологическую установку, которую хотели донести создатели свода. «И поставили посреди церкви место великому князю, на каком святителей ставят, а на нем 2 стула <...> [3, с. 302]», — описывается начало церемонии, а затем дважды упоминается их совместное посажение в ходе молебна [3, с. 308, 315].

Рассмотрим идеалы отношений государства и церкви у франков. Каролингское время наследует идеи патерестических источников «о короле как о викирии Бога и о нераздельности духовной и светской сферы» [8, с. 29-30]. Они имеют непосредственное отражение и в т.н. «Падерборнском эпосе», где описывается сон, в котором Карл Великий лицезреет истерзанного понтифика Рима, после чего велит посланникам отправиться в Рим справиться о его здоровье. «Что означать может сон этот грустный / в толк не возьмет государь, беспокоится верный сын церкви», — говорится в поэме. Вслед посланцам прежде полученного ответа Карл выдвигается вместе с войском [2, с. 36]. Тем временем низвергнутый понтифик находится в Падерборне в ожидании помощи. По прибытии короля папа объявляет собравшейся знати: «Пусть он (Карл — А.В.) рассудит мои справедливою мерой поступки, / Верю я в мудрость его, <...>» [2, с. 37]. В данном тексте «верный сын церкви» — яркая характеристика, выражающая должное отношение короля к главе церкви. В то же время мудрость короля делает его полномочным судить поступки самого понтифика.

Вообще, мудрость в поэме является предметом акцентирования, идущая бок о бок с нравственными качествами Карла: «В мире он мудр и силен, сведущ во всем, но и скромн, / Знатен, учен, но и прост, добр, учтив непременно и честен» [2, с. 27-28]. Мудрость, как мы видим, связывается не раз с ученостью короля: «он мудрый, скромный / Ум свой наукам отдал, <...>» [2, с. 27-28]. В то же время, как итог его познаний в мирских науках, дается намек на познание богословия: «Бог сам ему показал все, что Он сотворил изначально» [2, с. 28]. При этом есть свидетельство Эйнхарда, что Карл «так и не научился писать, потому что чаще держал в руках меч чем, перо» (впрочем, Эйнхард, давая эту характеристику, «мог следовать не только правде жизни, но и важным литературным и идеологическим образцам») [2, с. 486-487]. Для нас важнее создаваемый автором образ просвещенного христианского короля, отражающий его значение для хри-

стианского мира, причем он имеет под собой реальное обоснование в системной политике Карла в области просвещения и науки, центром которых стала Палатинская академия [1, с. 223-242].

Примечательно, что в русском историописании мы так же находим образ мудрого христианского правителя, озабоченного просвещением подданных. И это никто иной, как Ярослав Мудрый, который, с одной стороны, «книги любил, читая их часто и ночью и днем» и даже писал, с другой – «засеял книжными словами сердца верующих людей», ставя по городам и по местам попов, «давая от богатств своих жалованье, веля им учить людей, <...>» [4, с. 204]. Как и в случае с Карлом, главным образом важно то, что забота о массовом просвещении служит постижению божественного слова и, в конечном итоге, укреплению христианства в государстве – вот одна из первейших забот христианского правителя, которую, по нашему мнению, летописец хотел донести потомкам.

Подведем итоги. Итак, рассмотренные источники позволили выделить нам две идеологические установки, отражающие представления о христианской государственности в средневековом историописании: концепция «симфонии властей» и образ мудрого государя. Последнее отличается от эксплуатации библейского архетипа царя Давида, поскольку мудрость связывается именно с образованностью, которая приравнивается к личной праведности, поскольку служит утверждению в христианском вероучении. Важно, что последняя установка находит отражение в реальной просветительской политике короля франков и русского князя, что позволяет говорить об идеале христианского государя-просветителя.

Библиографический список

1. Гаспаров М.Л. Каролингское возрождение (VIII-IX вв.) // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. М.: Наука, 1970. [Электронный ресурс] URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/gasparov3-ru> (дата обращения: 30.07.2023).
2. Империя Каролингов. Между двором и монастырем VIII-IX века. Источники / Составитель и ответственный редактор А.И. Сидоров. СПб., 2023.
3. Липевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 20. 1541-1555 гг. М., 2014.
4. Повесть временных лет. По Лаврентьевской летописи 1377 г.: ист.-лит. очерк (ч. 2, с. 4–148), подгот. текста, пер. с древнерус. (совм. с Б. А. Романовым) и коммент. / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1-2.
5. Русская социально-политическая мысль. XI-XVII вв. Хрестоматия / Сост. С.В. Перевезенцев, подг. текстов: С.В. Перевезенцев, Г.В. Талина, Д.В. Ермашов, Ас. Ермолина, В.С. Зубова; под ред. АА Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М., 2011.
6. Сидоров А. И. Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006.
7. Скрынников Р.Г. Загадка древнего автографа // Вопросы истории. 1977. [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/35S5TS> (дата обращения: 24.08.2023).
8. Титова А.О. Исторические модификации имперской идеи в культуре Западной Европы IX-XI веков: Монография. М., 2012.

9. Черняев А.В. Идея «Самовластия» человека в русской социально-философской мысли XVI в. // Историко-философский ежегодник. 2011. № 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-samovlastiya-cheloveka-v-russkoy-sotsialno-filosofskoy-mysli-xvi-v> (дата обращения: 27.08.2023).

М.А. Бувич

Самарский национальный исследовательский университет

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ И ИХ ГАРНИЗОНОВ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1730-Х ГГ.

Формирование Российского государства проходило в тяжелейших условиях, одним из которых была постоянная угроза набегов кочевников из южных и юго-восточных степей. Эта проблема оставалась актуальной и в первой половине XVIII в., когда по южным и юго-восточным границам империи была построена сеть укрепленных линий, обороняемых специально создаваемыми частями – полками ландмилиции.

Целью данного доклада выступает обзор совокупности источников по означенной теме, разделение их на группы и выделение их характерных черт и особенностей.

Всю совокупность источников можно разделить на несколько больших групп.

Первая группа – вещественные источники, к которым имеет смысл отнести сохранившиеся до наших дней остатки укреплений Новой Закамской линии, в основном поселений ландмилиции, представляющие из себя сочетание земляного вала и рва разной степени сохранности.

Ко второй относятся изобразительные источники. Они включают в себя фотографии, схемы и чертежи укреплений. Данная группа источников, непосредственно связанная с первой, является одной из важнейших, поскольку представляет из себя наглядный материал, позволяющий оценить общую конфигурацию укреплений без выезда на местность. Одним из наиболее ценных здесь видится альбом карт, планов и схем к III части «Материалов для истории инженерного искусства в России» [4], составленный Ф.Ф. Ласковским и включающий в себя подготовленные на основе архивных материалов чертежи наиболее типовых укреплений Новой Закамской линии, в том числе и поселений ландмилиции.

Следует также упомянуть находящиеся в открытом доступе фотоснимки, сделанные из космоса. Подобный материал видится чрезвычайно важным для оценки современного состояния и общей сохранности памятника.

Третья, наиболее многочисленная группа источников – письменные. Они также представляют значительную ценность, поскольку содержат наибо-